

ЭТНОСТЕРЕОТИПЫ РУССКИХ И ЭСТОНЦЕВ В АНЕКДОТАХ¹

Русский и эстонский народы имеют богатую традицию межкультурных контактов, берущую свое начало с незапамятных времен (так, уже в русских летописях XI-XII вв. можно найти первые упоминания об эстонцах). Интерес двух народов-соседей друг к другу в разные исторические периоды проявлялся с различной мерой интенсивности. Определенно можно сказать, что история второй половины XX в. демонстрирует пример нового всплеска взаимного интереса. Политические, социальные, экономические и другого рода события истории указанного периода накладывают свой отпечаток на попытки русских и эстонцев осмыслить культурное и национальное своеобразие друг друга.

В этом докладе мы на примере анекдотов рассмотрим процесс формирования этнических представлений двух народов друг о друге. Анекдот является живым и довольно активным жанром современного городского фольклора. К тому же в анекдотах непосредственным образом отражаются этнические стереотипы, бытующие в той или иной культурной среде. Анекдоты об иностранцах или этнических меньшинствах передают неформальный взгляд на культурное и национальное своеобразие народа-соседа.

Сложно сказать, когда именно в русском и эстонском фольклоре возникают юмористические рассказы о народах-соседах. По утверждению исследователей, современные русские анекдоты о финнах и эстонцах восходят к бытовавшим еще в Российской империи рассказам о чухонцах [4, с. 50]. Определенно можно сказать, что традиция рассказывания русскими и эстонцами анекдотов друг о друге активно формируется на протяжении XX в. (как в советское время, так и в последние годы). Причем в советский период границы между эстонскими и русскими анекдотами были более подвижны, чем в настоящее время.

В эстонских анекдотах о русских второй

половины XX в. (см. [5-7]), с одной стороны, встречаются традиционные для многих других культур представления о русском национальном характере – это любовь русских к водке, которая побеждает все другие страсти (пьянство как русская национальная черта обыгрывается и в русских по происхождению анекдотах). По сравнению с представителями других народов, русские в эстонских анекдотах, как правило, отличаются своей бедностью. В то же время бедность компенсируется хитростью. Примером может послужить анекдот, который приводит Ю. Виикберг в своем сборнике:

«В самолете летят француз, англичанин и русский. Времени много, делать нечего, думают, а не поиграть ли в карты. Но карт нет. Решают тогда играть своим провиантом, что у кого с собой. Можно будет совместно позавтракать. Француз начинает напитками: Мартини, Наполеон, Виши.

Англичанин достает свои сэндвичи и отбивается.

Француз снова ходит фруктами: ананасы и апельсины.

Англичанин выкладывает на стол растворимый кофе и шоколад и переводит русскому.

Русский смотрит, что на руках ничего нет и говорит:

– Да, бить нечем, придется взять» (перевод из [7, с. 214]).

Этот набор свойств русского персонажа характерен и для многих русских мультинациональных анекдотов. Очевидно, что он имеет более глубокие фольклорные истоки (можно вспомнить сказочного героя).

С другой стороны, в эстонских анекдотах нашла отражение и сугубо местная специфика восприятия русского народа, связанная с историко-политическими событиями XX в. Во-первых, эстонские анекдоты обыгрывают незнание русскими иностранных языков и

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Эстонского научного фонда (грант № 6469).

связанный с этим низкий уровень культуры общения. Во-вторых, в эстонских анекдотах появляется представление о многочисленности русских (в противоположность малочисленности эстонского народа). Для примера приведем один из мультинациональных эстонских анекдотов, в котором действуют американец (в других вариантах француз), русский и эстонец:

«В поезде едут американец, русский и эстонец. Американец роется в своем мешке, достает литр Jaffa и выкидывает из окна. У других вытягиваются лица, а янки машет рукой:

– Да у нас этого барахла навалом.

После этого роется русский в своем рюкзаке, достает литр водки и выбрасывает из окна.

– Да у нас этого барахла навалом.

Эстонец роется в своем мешке, но ничего не находит. Берет тогда русского и выбрасывает его из окна.

– Да у нас этого барахла навалом» (перевод из [7, с. 217]).

Эстонские анекдоты отражают ситуацию противостояния двух народов в условиях советского государства, борьбу эстонцев за национальный суверенитет и соответственно осознание себя как этнического меньшинства.

Политический и национальный сепаратизм эстонцев отражается и в современных русских анекдотах² (например, короткий анекдот в виде утверждения: «Во всем виноваты эстонцы – маленький, но очень гордый горный народ»). Появляющиеся здесь кавказские ассоциации, казалось бы, неожиданные для географического ландшафта Эстонии, в то же время поддерживаются аналогиями с национально-сепаратистскими движениями в северо-кавказском регионе России.

В эстонских анекдотах русские зачастую проявляют свою склонность к территориальной экспансии (русская школьница удивляется, почему эстонцы не возвращаются за Урал, откуда они родом (см. [7, с. 511]); в другом анекдоте ситуация намеренно переворачива-

ется - эстонский народ иронически назван самым жадным, потому что «загребал себе всю Россию и теперь не знает, как ее прокормить» [7, с. 506].

Эстонцы, обороняясь от экспансии русского народа, придерживаются двойственной тактики. С одной стороны, они пытаются найти на земле такое место, где нет русских (понимая при этом весь утопизм этого проекта). Приведем для примера анекдот из собрания Ю. Виикберга, в котором действуют герои эстонского и русского национальных эпосов Калевипоег и Илья Муромец:

«Богатырь Калевипоег стоит на горе Мунамяги и напряженно смотрит то в одну, то в другую сторону.

На лошади подъезжает богатырь Илья Муромец:

– Эй, герой Сукин сын, что смотришь, что ищешь?

– Смотрю и ищу место, где бы было жить хорошо.

– А ты разве не знаешь, что хорошо там, где нас нет.

– Вот это-то я и высматриваю, чтобы вас там не было» (перевод из [7, с. 506]).

С другой стороны, оборона часто приобретает наступательный характер. В эстонских анекдотах эстонцы могут вести себя довольно агрессивно по отношению к русским (выкидывать из поезда, отвешивать оплеухи). Характерно, что, осуществляя такие действия, они руководствуются чисто националистическими соображениями и осознают наличие у себя определенных прав на подобную агрессию. По-видимому, здесь опять-таки своеобразным образом отразился историко-политический расклад отношений русского и эстонского народов во второй половине XX в.

Особая популярность анекдотов про эстонцев в русской культурной среде падает именно на 1990-2000-е гг., после обретения

² К сожалению, современные русские анекдоты об эстонцах пока еще не были полностью собраны и изданы отдельным сборником, поэтому материалом для анализа в данной публикации стали тексты, найденные в Интернете, соответственно, мы не будем указывать точные ссылки на использованные источники.

Эстонией государственной независимости³. Некоторые признаки позволяют говорить, что эти анекдоты зарождаются и функционируют главным образом на приграничных территориях России и Эстонии. Только прямыми культурными и языковыми контактами, а также двуязычием создателей фольклорных текстов можно объяснить попадание в анекдоты эстонских слов *pole viga* (ничего страшного), *raisk* (междометие, выражающее экспрессию крайнего недовольства), *hapukoor* (сметана) и др.

Тематика этих анекдотов подпитывается событиями политической и социальной жизни Эстонии последних лет. 1990-е гг. в Эстонии ознаменовались обострением национального вопроса и межнациональных отношений русских и эстонцев. Анекдоты передают столкновение русских и эстонцев на национальной и языковой почве. Обыгрывание языковой проблематики связано, в первую очередь, с языковой политикой эстонского государства. Эстонцы, заставляющие других говорить на своем языке, выступают в анекдотах как твердо стоящие на позициях сохранения национального языка. Идеиные убеждения для них дороже даже материальной выгоды (например, анекдот о том, как эстонец довольно агрессивно требует от золотой рыбки, чтобы она говорила с ним по-эстонски). В этом анекдоте есть, конечно, и намек на ограниченность ума эстонцев. Русские, в противовес эстонской языковой непреклонности, прибегают в анекдотах к языковому терриоризму:

«Эстония. Заходит покупатель (русский) в магазин. За прилавком стоит продавщица (эстонка). Покупатель начинает на ломаном эстонском объяснять, чего он хочет. Продавщица:

– Посалуйста коворитте по-русски, я все поннимаю.

– Мы пятьдесят лет слушали ваш русский, теперь вы послушайте наш эстонский».

Этот анекдот, по-видимому, отражает уже некоторое потепление в русско-эстонских контактах на бытовом уровне (в памяти еще свежи бытовавшие в начале 1990-х гг. недовольные рассказы оскорбленных русских, с которыми знающие русский язык продавщицы принципиально отказывались говорить по-русски).

Проблема порчи языка, которую допускают в отношении эстонского языка русские, а в отношении русского языка – эстонцы, поставлена в анекдотах довольно остро. Анекдоты об эстонцах воспроизводят характерный эстонский акцент (удлинение согласных и ударных гласных, оглушение звонких согласных). Говорящие по-русски эстонцы не умеют правильно произносить слова, отсюда возникают многочисленные языковые каламбуры. Очень многие анекдоты об эстонцах построены именно на использовании речевой омофонии. Так, например, довольно трогательными выглядят попытки озадаченного эстонца разобраться в тонкостях русского языка:

«Сидит эстонец в нужном чулане и между делом праздно размышляет:

– Каккой, атнака, странны этгат русски ясык! Церкоффь – сапор, стенка – сапор, какать не мошеш – апать сапор!»

Переводить такого рода анекдоты на иностранные языки довольно трудная задача, так как комизм в них возникает именно за счет игры на фонетическом уровне языка. Эстонец в силу особенностей своего произношения (оглушения звонких согласных) одинаково

³ Весной 2005 г. мы провели небольшое социологическое исследование, целью которого было выяснение степени распространенности и приблизительного времени возникновения бытующих в настоящее время анекдотов об эстонцах. Мы предложили респондентам подборку из 96 анекдотов, разбитую на тематические группы. Анкетированные должны были отметить среди них знакомые тексты и примерно указать год, когда анекдот был впервые услышан. В опросе участвовало 35 чел., возраст которых колебался от 20 до 50 лет (все возрастные группы респондентов были представлены пропорционально). Результаты опроса показали, что 94% представленных анекдотов знакомы респондентам, хотя ответы респондентов все-таки не свидетельствуют о массовом характере этого знакомства. Наиболее известный анекдотический текст был отмечен у 74% респондентов. По данным опроса можно сказать, что больше всего встречается таких текстов (60 анекдотов), которые были знакомы 1-5 респондентам. Таким образом, можно сказать, что средний показатель по знакомству с анекдотами составляет 3-14% от числа опрошенных. Относительно времени создания этих текстов можно сделать вывод, что большинство респондентов склонны были его связывать с 1990-2000 гг. Хотя в анкетах появлялись и единичные указания на вторую половину 1980-х гг.

произносит слова, имеющие в русском языке разное и лексическое значение, и фонетическое оформление (*собор* – здание, в котором производятся религиозно-культурные обряды, *забор* – ограждение, *запор* – «ненормальная задержка в освобождении желудка и кишечника от переваренной пищи» [3, с. 1008]).

Центральное место в сложившемся анекдотическом образе эстонца занимает его медлительность. Один из истоков возникновения этого этнического стереотипа лежит в отмеченных выше особенностях произношения эстонцами русских слов (неоправданное с точки зрения системы русского языка растягивание звуков, слогов, слов). Исследователи уже отмечали в русской речи эстонцев следы языковой интерференции, влияние на нее фонетической системы эстонского языка (наличие долготы гласных и согласных звуков) [2].

Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев на другом материале доказали, что особенности русской речи инородцев становятся в русских анекдотах основой для формирования представлений об их национальных характерах [4, с. 63].

Медлительность эстонцев проявляется на интеллектуальном и эмоциональном уровне, характеризует физиологические процессы его организма. Этот этнический стереотип, по-видимому, является одним из наиболее древних в русской культуре и сложился задолго до возникновения анекдотов об эстонцах. Свидетельством тому будут созданные в конце XVIII в. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, в которых эстонцы характеризуются как неповоротливые, неловкие, недогадливые и «сонливые люди» [1, с. 86].

Эта национальная черта эстонцев в анекдотах обозначается словом «тормоз» (жаргонное наименование человека, медленно и плохо соображающего). Слово это по-разному обыгрывается в анекдотах (например, «Символ Таллинна – Старый Тоормоз»). Подразумевается шпиль в виде воина на башне таллиннской ратуши – «Vana Toomas» («Старый Тоомас»), действительно, ставший визитной карточкой города. В другом анекдоте образ «тормоза» осмысливается уже в контексте общей тематики анекдотов этой группы: «Ответ президента Эстонии авторам и поклонникам анекдотов про эстонцев: – Это не мы тормо-

зим, это вы – гоните». В этом анекдоте сталкиваются два этнических стереотипа, прочно укрепившиеся в русской культурной традиции: медлительные эстонцы и русские, любящие быструю езду.

Медлительность эстонцев распространяется в анекдотах абсолютно на все, что происходит в эстонском мире или отсюда родом. Все явления природной и материальной жизни подчинены замедленным ритмам:

«Эстонские авиалинии. Мы летаем быстрее паровоза».

«Самая жестокая мафия – эстонская. Человек умирает своей смертью, но в постоянном ожидании».

«С крыши мееедленно падал кирпич, с трудом рассекая плотный таллиннский воздух...».

«В Эстонии вывели новую породу собак – эстоонская боорсая. Для охоты на раненых улиток и черепах».

«Эстонские кулинары изобрели медленно растворимый кофе».

«Наконец-то разгадали секрет медленно летящих пуль из «Матрицы» – оказывается, инструктором по стрельбе у актеров был эстонский снайпер».

Координатами эстонского мира в анекдоте становятся растянутость во времени и пространстве. Пространство как бы теряет четкие границы, в эстонском мире легко потерять не только чувство времени, но и ощущение пространства:

«Стоит эстонец около железной дороги, видит другой эстонец на дрезине едет, ну один спрашивает:

– До Таааалллина даааллеко?

– Нннннет не ддаалллеко!

Ну он сел к нему. Едут час, едут два...

Тут первый спрашивает:

– До Таааалллина даааллеко?

– Ттттттеппперь далллеко!»

В эстонском пространстве легко заблудиться и потерять ориентацию:

«Бермудский треугольник – посольство Эстонии в Атлантическом океане».

«Элвис не умер... Он просто уехал в Таллинн».

По-видимому, размытость координат эстонского мира в анекдотах является не только следствием «замедленности» всех жизнен-

ных процессов. Психологические причины возникновения этого этнического стереотипа могут быть связаны с подсознательным страхом русского человека перед эстонским пространством, неуверенностью, которую он испытывает, попадая в мир эстонцев.

Медлительность и глупость эстонцев в русских анекдотах дополняются такими чертами, как основательность, бережливость и аккуратность:

«На проселочной дороге лежит дохлая ворона. Возле нее останавливается раздолбанная телега. Оттуда вылезает эстонец и кладет ворону в телегу.

– Мошетт бытть пригодитьцаа.

Прошло 10 лет. На той же дороге, но уже заасфальтированной, в том же месте останавливается 600-й мерс. Оттуда выходит тот же эстонец, достает из багажника скелет вороны и кладет на дорогу.

– Не приготтиллась».

Эстонец в этом анекдоте наделяется характерным атрибутом анекдотического «нового русского» – 600-м Мерседесом. Переkreщивание с анекдотами о «новых русских» не случайно. Общими чертами эстонца и «нового русского» становятся глупость и удачливость в жизни (только богатство «новых русских» есть дело случая или следствие криминального прошлого, у эстонца же материальное благосостояние основано на трудолюбии и бережливости).

Эстонец в русских анекдотах зачастую является собирательным образом для обозначения всех прибалтийских народов, включая финнов. Нередко под рубрикой анекдотов про эстонцев в Интернете можно встретить анекдоты, в которых действуют финны. Причем этнические качества эстонцев в анекдотических финнах оказываются еще более выраженными:

«Если вас в Латвии обогнал эстонец, – значит вы финн».

О смешивании в анекдотах представлений о разных прибалтийских этносах говорит использование антропонимов (наряду с эстонскими именами встречаются латышские или литовские по происхождению *Валдис*, *Петрас*, финское имя *Тойванен*).

Анекдоты про эстонцев практически отменили возможность возникновения в рус-

ском городском фольклоре анекдотов о других прибалтийских народах. Среди русских анекдотов не существует анекдотов про литовцев, в качестве единичных встречаются анекдоты о латышах, анекдоты о финнах, как уже говорилось, функционируют под видом анекдотов об эстонцах. Этот факт свидетельствует о том, что эстонцы воспринимаются русскими как наиболее активный и энергичный народ из всех прибалтийских (это, конечно, звучит несколько парадоксально, если учитывать сформировавшийся в анекдотах этнический стереотип видения эстонца как медлительного, неторопливого, с трудом соображающего).

С одной стороны, русские анекдоты об эстонцах являются вариантом традиционных для многих культур анекдотов о глупых народах-соседах. Это желание представить соседа глупее, чем он есть на самом деле, возможно, отражает скрытый страх и зависть к соседу, восхищение его успехами (туго думающий эстонец в анекдоте, тем не менее, спустя десять лет катается на 600-м Мерседесе по заасфальтированной дороге). С другой стороны, анекдоты свидетельствуют о том, что эстонцы, несмотря на восстановление государственной независимости, продолжают восприниматься в русской культуре не как иностранцы, а как инородцы, представители этнического меньшинства (см. об этом [4, с. 79]). Русские пытаются наложить на современную ситуацию привычную для них схему восприятия Эстонии и эстонцев как части большого многонационального государства. В этом выражается попытка снять межнациональное напряжение.

Общее видение межкультурного общения двух народов в русских и эстонских анекдотах различно. В русском анекдоте, который более сфокусирован на осмыслении языкового канала общения, диалог между народами, хотя и с помехами, осуществляется. В эстонском анекдоте, напротив, заметно стремление избежать диалога, замкнуться в рамках своего культурного пространства. Русские в эстонских анекдотах не стремятся говорить по-эстонски (в текстах мы не найдем примеров имитации эстонской речи русских). С другой стороны, эстонские анекдоты в более явном виде передают этнический конфликт на почве

взаимного несовпадения устремлений и интересов двух народов. Анекдоты, отражающие

этнические страхи, комплексы, надежды, дают богатый материал для исследования причин неудач межкультурной коммуникации, а также для построения продуктивных моделей общения.

Литература

1. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. – М.; Л., 1964. Т. 1.
2. Лейбов Р. Г. «Прибалт»: Слово и представление // Acta Baltica 2001. – Kaunas, 2001. – С. 48-54.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1996. Т. 1.
4. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. – М., 2002.
5. Kxlu Erkki, Ldдn Vello. 1003 anekdooti / koost. – Tartu, 1997.
6. Tuisk Astrid. Neeger rdevitab / koost. – Tallinn, 1996.
7. Viikberg Jьri. Anekdoodiraamat: naeruga eilsest. Valimik eesti anekdoote 1960–1990 / kogunud, valinud ja sьstematiseerinud. – Tallinn, 2004.

Е. Ю. Протасова

ОБРАЗ РОССИИ В ФИНЛЯНДСКОЙ ПЕЧАТИ¹

Зарубежные средства массовой информации в статьях о России часто опираются на материалы нескольких видов. Во-первых, это то, что журналисты читают в легальных или малодоступных собственнороссийских и зарубежных источниках. Во-вторых, это может быть опора на мнения экспертов или друзей. В-третьих, это собственные наблюдения и изыскания. Какими бы данными ни пользовались авторы, как бы они ни пытались избежать тенденциозности, она все равно имеется, и именно эта нарочитость в отборе и интерпретации фактов становится объектом нашего исследования. Мы хотим найти те чувствительные вопросы, которые заставляют определенным образом говорить и писать о России, реагировать на случившееся, что позволит, как мы надеемся, предсказывать возможную реакцию в будущем. В наше время скоротечная печатная продукция гораздо быстрее и в большем, сравнительно с прежним, объеме формирует общественное мнение. Если основания для восприятия образа России финнами удастся нащупать и выявить, то будет, как мы надеемся, достигнуто взаимо-

понимание и по многим параметрам межнациональные контакты и интеркультурная коммуникация будут облегчены.

Финляндия и Россия – страны-соседи, близкие географически, но очень разные по темпераменту, мировоззрению, поведению людей, их населяющих. Редкое периодическое печатное издание, будь то ведущая пресса, женский журнал, дайджест телепрограмм, бесплатная рекламная газета – выходит в Финляндии без того, чтобы не коснуться тем или иным способом России и русских, чтобы не дать информацию, объяснить или истолковать то, что происходит в России. До недавнего времени (до принятия в ЕС стран Балтии, с 1 мая 2004 г.) Финляндия была единственной страной Европейского Союза, имевшей общую границу с Россией². Финляндию и Россию связывают давние и непростые отношения. Началом отношений можно считать первые контакты новгородских славян с прибалтийско-финскими этническими общностями, в том числе с предками современных финнов. Множество военных событий пронеслось над страной, некоторые воспринимаются свежо и

¹ Статья написана при участии студентов Отделения славистики и баллистики Хельсинкского университета: Марии Воробьевой, Олега Минкина, Тамары Мустонен, Виктории Петровской, Татьяны Третьяковой и Елены Стасюк.

² Финляндия – член Европейского Союза с 1995 г.